

Библиография

Бзаров Р.С. Три осетинских общества в середине XIX в. Орджоникидзе, 1988.

Блиев М.М. Осетия в первой трети XIX в. Орджоникидзе, 1964.

Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1883. Т. 2.

Материалы по истории Осетии // ИСОНИИ. 1953. Т. 3.

Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Грозный, 1947.

Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972.

Л.Ф. Попова

ИНФОРМАЦИЯ КАК ЦЕННОСТЬ В ТРАДИЦИОННОМ КАЗАХСКОМ ОБЩЕСТВЕ XIX В.

«Казахи живут слухами»
(казахская поговорка)

В системе традиционных ценностей казахов XIX в. особое место принадлежит разного рода информации, в том числе и сведениям злободневного характера. За новостями мужчины словно охотились и добывали их, не считаясь с затратами времени. Наблюдатели казахского быта очень часто описывали подобные ситуации: «Если видят, что кто-нибудь проезжает мимо, то им (казахам. — Л.П.) трудно удержаться, чтобы не подъехать к нему, хотя бы для этого пришлось сделать большой крюк» (Ледебур, Бунге, Мейер 1993).

Вполне очевидно, что если определенные модели поведения в культуре являются типичными, то их формирование мотивировано теми или иными особенностями и потребностями общества. Впервые обычаи *хабарласу* и *узун-кулак* (букв. «длинное ухо») подверг анализу С.Е. Толыбеков, который подчеркнул, что на огромных пространствах информация о происходящем была необходима кочевникам для координации и корректировки процесса кочевания аулов, а также для быстрой и своевременной мобилизации кочевого коллектива в случае военной опасности (Толыбеков 1971: 130–131). Для этого как минимум нужно было точно знать расположение соседних аулов в данный промежуток времени, что и было обязанностью каждого члена родоплеменного сообщества. В колониальный период казахские аулы информировали друг друга о перемещении представителей российской администрации с тем, чтобы по возможности вовремя откоче-

вать для уклонения от предоставления лошадей, угощения и других расходов (Красовский 1868: 126). Общим достоянием кочевого социума являлась предельная полнота разнообразных сведений обо всех его членах, что значительно повышало степень управляемости обществом и облегчало социальный контроль над ним. К примеру, показательно замечание П.Е. Маковецкого при описании правовых норм казахов, касающихся находки: «При киргизской общественности, при постоянных посещениях и разъездах из аула в аул в степи весьма быстро обнаруживается всякая находка. <...> Одинаково быстро расходуется и известие о потерявшемся, а потому скрыть находку очень трудно» (Материалы 1948: 266).

На базу оперативной информации казахского социума опиралась и российская колониальная администрация, которая хорошо осознала, что самостоятельно получить надлежащие сведения о происходящем в степи она не сможет, без чего нельзя будет осуществлять реальную власть над казахскими территориями с мобильным населением, да еще и не вполне лояльным к новой власти. Поэтому с самого начала колонизационных процессов Россия привлекала к сотрудничеству туземную администрацию. Показательно, что одна из основных функций окружных приказов как органов исполнительной власти была осведомительной. Приказы должны были вести достоверные списки султанов и старшин с указанием мест их кочевков; иметь сведения о нахождении сезонных кочевий волостей и аулов; вести перепись по числу кибиток; иметь сведения о землях, поступающих в частную собственность и о «заведениях, на них сделанных»; знать о проходящих через округ купеческих караванах и охранять последние; знать обо всех происшествиях на территории округа (Красовский 1868: 175).

Общественная важность получения различных сведений вызвала к жизни систему стимулов, поощряющих действия индивида в этом направлении. Обладание эксклюзивной новостью выделяло человека и привлекало к нему внимание, давало возможность проявить себя, что для казаха было чрезвычайно важно, поскольку казахский этнос относится к типу обществ с высокой значимостью личного авторитета.

Кроме того, новость принято было «отдарить», и не только взаимной информацией, но особо хорошим приемом и угощением: «почтарь <...> никакого вознаграждения за свой труд не получает. <...> Правда, что его во всяком ауле накормят, особенно если он сообщит новость» (Красовский 1868: 139); «часто он (казах. — Л.П.) совершает далекую поездку для сообщения слы-

шанного, тем более что обладатель новостей всегда может быть уверен в хорошем угощении» (Зеланд 1885).

Особой формой благодарности за новость являлся институт *суюнчи* — подарка за сообщение радостной (или полезной) вести. Этот обычай закреплялся адатом, и в случае отказа от выплаты обиженный мог обратиться к бию за удовлетворением законных претензий. По данным источников второй половины XIX в., «охота» за *суюнчи* могла служить одним из источников пополнения благосостояния скотовода, который получал «барана, другого, вовремя сообщив известному баю радостное для него известие» (Красовский 1868: 59). Исполнение данного обычая было настолько обязательным, что даже русская администрация была вынуждена считаться с ним: «генерал должен был дать несколько локтей перкала тому, кто первый принес ему весть о приезде Али» (Янушкевич 1966: 111). Разновидностью *суюнчи* являлась благодарность за находку потерянного и за обнаружение украденного имущества, которая должна была составлять пятую его часть.

Во многих случаях казаку важно было не просто получить и передать новость, но сделать это раньше других, поэтому скорость распространения информации особенно поражала путешественников, которые характеризовали ее в следующих выражениях: «с быстротой молнии», «как по телефону», «быстрее всякой почты» и т.п.

Богатые и знатные казахи для передачи новостей имели особых нарочных вестников, имевших, по всей видимости, хороших скакунов.

Таким образом, обычай обмена новостями предстает перед наблюдателями казахского общества XIX в. в качестве системы этикетных норм:

1. Нельзя проехать мимо юрты, не навестив хозяев и не сообщив что-либо о себе. Тот, кто проезжает мимо юрты, вызывает подозрения в нечистых помыслах.

2. Также нельзя проехать в степи мимо другого всадника без взаимных приветствий и обмена новостями. Весьма наглядно свидетельствует об этом И. Ибрагимов, описывая поездку на поминки *ас*: «Как водится, издали завидев нас, эти дети природы <...> со всех ног бросались к нам за “хабаром”, новостями, до которых киргизы большие охотники. <...> Подробно расспросив нас и сообщив, кстати, и нам свои новости, они, согласно с этикетом, проводили нас на некотором расстоянии. <...> Сколько мы ни встречали едущих киргиз, все они считали как бы своей обязанностью подъехать к нам и завести обычный разговор. В

свою очередь, молодые люди из нашей компании делали то же самое» (Ибрагимов 1876: 52).

3. При обмене новостями отсутствовали какие-либо цензы — возрастной, половой, социальный, и каждый был обязан предоставить встречному необходимую информацию.

4. Сам вопрос о наличии новостей, по-видимому, принял форму этикетного клише. Так, у бурят в 1880-х гг. была зафиксирована архаичная форма обычного приветствия, которую информант, учитель и писец Селенгинской степной думы У.-Ц. Онгодов, сам характеризовал как «монотонную и скучную» повинность. В этом длинном «протокольном» диалоге между гостем и хозяином имеются и вопросы о новостях. «Гость: Что нового есть?

Хозяин: Ничего нового нет.

Гость: Вы какую-либо новость имеете?

Хозяин: Ничего нет.

Гость: Волки воры спокойны?» и т. д. (Жуковская 1988: 113).

В ряде описаний, касающихся казахов, также очевидно, что вопрос о новостях задавался для приличия.

Практика постоянного обязательного общения, несомненно, обусловила сложение психологического типа казаха, который отличает особая контактность, откровенность, любопытство. Интересно наблюдение П.Е. Маковецкого, который заметил, что казахи ради возможности общения предпочитали тесниться на скудных зимних пастбищах, подвергаясь риску потерять скот, нежели зимовать в лучших условиях, но в изоляции от сородичей (Материалы 1948: 264–265).

Традиционная ситуация получения и распространения информации, обеспечивающей нормальное функционирование казахского кочевого общества, была искажена в процессе установления российской власти, когда казахи столкнулись с качественно иным каналом распространения информации — письменностью. М.-С. Бабаджанов очень интересно описал то смятение, которое охватило казахское общество вследствие того, что оно не умело этим каналом пользоваться и контролировать его. Желание исправить положение стимулировало распространение грамотности среди казахов, что послужило, однако, увеличению жалоб и доносов в новые органы власти (Бабаджанов 1996: 90–98).

В рассматриваемой нами теме важным представляется вопрос о достоверности передаваемых сведений. Предоставление ложной информации наказывалось нормами казахского обычного права. Так, например, в случае получения *суюнчи* за ложный слух о воре доносителю следовало не только вернуть это вознаграждение, но также возместить стоимость украденного и всех

прочих судебных издержек. Сам человек получал репутацию «ненадежного», лгуна *отирикши*, которому нельзя доверять (Толыбеков 1971: 131). Об отрицательном отношении к ложным доносам свидетельствует пословица «у вора одна щека черная; у ложного доносчика обе черны». «Клеймо» лгуна являлось довольно тяжелой карой, поскольку позорящие наказания в кочевом обществе снижали авторитет человека и соответственно его социальный статус, что переживалось индивидом очень остро. Согласно старинным нормам, лжесвидетели вообще отстранялись от участия в социальной жизни (Материалы 1948: 284).

В процессе становления противоречивого симбиоза казахского адата и государственного права России имело место ослабление контроля за дезинформацией. Ложные доносы, сплетни, клевета стали мощным оружием в межличностной и межпартийной борьбе за власть в новой социальной реальности, что стало одним из проявлений кризиса кочевого общества в конце XIX в. Примером отклика на создавшуюся ситуацию могут служить горестные размышления Абая об упадке общественной нравственности. Казах, по его мнению, теперь «находит удовольствие в том, чтобы, выпросив у кого-нибудь на время лошадь, скитаться на ней из аула в аул, есть на даровщинку, собирать сплетни и слухи, хитростью и коварством подстрекать других или самому участвовать в заговоре» (Кунанбаев 1945: 305). Видимо, понимая, что вернуть прежний «золотой век» кочевого социума уже невозможно, да и вряд ли нужно, великий акын пытался предложить народу другое направление для реализации традиционных установок казахов на сбор и переработку информации, а именно — овладение наукой, позитивными знаниями.

Интересно, что в настоящее время уровень образованности казахского общества довольно высок. Многие семьи считают своей первейшей обязанностью дать детям высшее образование, не считаясь с затратами. Необразованный член семьи иногда лишен должного уважения и не имеет равного положения среди братьев и сестер (ПМА). Связаны ли современные ценностные ориентации с традиционными установками на престижность и выгодность обладания знаниями и разного рода информацией — это вопрос для отдельного исследования, но в первом рассмотрении эта связь кажется весьма возможной. Соответствующая тенденция была замечена еще Потаниным: «Подобно афинянам, киргизы необычайно любят новости, «хабары» — страсть, которая в молодом поколении заменяется любознательностью» (Чокан 1964: 167).

Итак, постоянное стремление казахов к обладанию новостной информацией было продиктовано необходимостью в поддержа-

нии стабильной экономической, политической и психологической обстановки в условиях подвижного образа жизни и дисперсного расселения кочевого социума.

Библиография

Бабаджанов М.С. Сочинения (сборник статей 1861–1871 гг.). Алматы: Санат, 1996.

Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.

Зеланд Н. Киргизы: Этнологический очерк // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1885. Кн. VII. Вып. 2.

Ибрагимов И.. Очерки быта киргизов // Древняя и новая Россия. СПб., 1876. Вып. III.

Красовский Н. Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов. СПб., 1868. Ч. III.

Кунанбаев А. Избранное. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1945.

Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993.

Материалы по казахскому обычному праву. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1948.

Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX в. Алма-Ата, 1971.

Чокан Валиханов в воспоминаниях современников. Алма-Ата, 1964.

Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966.

А.Т. Марутян

ДАТЫ, ЦИФРЫ И НАЗВАНИЯ МЕСТНОСТЕЙ КАК КОДИРОВКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Основная функция плаката и транспаранта — оформление передаваемой информации по возможности короткими и содержательными формулировками. В случае Карабахского движения (1988–90 гг.) среди подобных формулировок, передающих довольно объемную информацию, определенное место занимали перечисления дат, цифр и названий местностей. Примечательно, что подобная кодировка употреблялась главным образом при характеристике геноцида армян 1915–23 гг. и погромов армянского населения Нагорного Карабаха и Азербайджана в 1918–20 гг. (Шуши, Баку) и 1988–90 гг. (Сумгаит, Гандзак/Гянджа, Баку),